

Рорти Р.

«ПРОТИВ БОССОВ, ПРОТИВ ОЛИГАРХОВ»

Совсем небольшая книжка с названием «Против боссов, против олигархов» дает хорошее представление о политических взглядах Рорти. Ниже представлен отрывок из нее, посвященный собственно философии. Здесь Рорти даже более откровенен, чем в своих статьях и книгах, в своем отношении к коллегам по цеху, да и в отношении философии. Рорти отвечает на серии вопросов корреспондента:

Вопрос: Вероятно, мы можем перейти к философским проблемам. Можете ли вспомнить, как можно не быть прагматистом?

Рорти: Я отчаянно хотел стать платонистом – воссоединиться с Единым, слиться с Христом или Богом или платонистской формой Блага, или с чем-то вроде того. Прагматизм был реакцией на это желание.

Вопрос: Когда вы стали сомневаться в платонистском идеале?

Рорти: Когда мне было двадцать с лишним. Я уже имел степень магистра философии, и уже был профессионалом некоторое время.

Вопрос: Но если мне не изменяет память, в 50-е и 60-е гг. вы все еще пишете в духе аналитической философии?

Рорти: Это не совсем так. Моим первым рабочим местом был университет Весли, где я понял, что получил плохое образование для того, чтобы быть преподавателем в США. Верх взяла аналитическая философия. Но моя аспирантура в Йельском университете была слепа к этому факту. По этой причине я плохо изучал аналитическую философию. Когда я пришел в Весли, я обнаружил, что все мои коллеги попали в Гарвард, и изучают не только Куайна, но и Остина. Поэтому я бросился читать Куайна, Виттгенштейна и Остина – то есть все, о чем говорили мои коллеги. Я перевооружил себя для того, чтобы стать аналитическим философом.

Вопрос: Какое образование вы получили в Йеле?

Рорти: В Йеле вся философия была до-аналитической. Это был самый реакционный департамент философии до недавнего времени. Он недавно был расформирован, и туда уже набрали аналитических философов. Но в те дни, если вы хотели сделать карьеру, это было

неподходящее место. Но Йель предложил мне место, а Гарвард – нет, и поэтому я попал в Йель. Это обстоятельство имело решающее значение для моей подготовки. Если бы я попал в Гарвард, моя карьера была совершенно другой. Так что я быстро подправил свою философскую ориентацию в течение трех лет пребывания в Весли, и этим же я был занят в первые годы своего пребывания в Принстоне. Я отчаянно пытался понять, о чем, черт возьми, говорят мои коллеги, чтобы поучаствовать в дискуссиях. Через некоторое время я начал писать статьи по философии ума. Это было потому, что я увлекся философией Уилфрида Селларса, а его работы были посвящены именно этой области. Было бы весьма точно заметить, что до 1963 года я не занимался аналитической философией, потому что я не знал, как это делать. Затем, поскольку в Принстоне было невозможно выжить, не занимаясь аналитической философией, я приступил к ней изо всех сил, чтобы походить на других, по крайней мере, в некоторой степени.

Вопрос: Если я не ошибаюсь, Принстон был чем-то вроде центра аналитической философии в США?

Рорти: Он все еще является таковым – департамент высшего разряда. Номер первый. Мы обычно получали телеграммы из Гарварда с таким текстом: «мы только номер два – но мы будем стараться».

Вопрос: Однако многие считают, что ваша работа нанесла урон господству аналитической философии. Берил Ланг писал в 1990 году о вашей роли как Президента Восточного Отделения Американской Философской Ассоциации во время конференции 1979 года, и о влиянии *Философии и зеркала природы*, опубликованной в том же году.

Было бы наверное большим преувеличением, и наверное, слишком преждевременно, говорить о том, что ландшафт американской философии, институционально, да и по существу, уже не тот, который был до событий 1979 года. С учетом всей суматохи, свойственной истории идей, ревизионизм Рорти является несомненно как симптомом, так и причиной. Но нет сомнения в том, что за декаду между 1979 и 1989 гг. в американской философии произошли изменения, и Рорти был и остается центральной фигурой этого процесса.

Рорти: Я думаю, что это неверно. Никаких больших изменений не произошло, и я никогда не был центральной фигурой. 1979 год стал значительным годом для Берила по той причине, что нереконструированные йельцы стали центром так называемого плюралистского движения. Их фракция, собранная со всей Америки, состояла из людей, не

имевших аналитического тренинга, и они получили большинство голосов при выдвижении кандидата на пост президента Восточного Отделения АФА. Мои симпатии были на его стороне, потому что он был неудачником, а аналитический истеблишмент был самодовольным. В тот год я был президентом, и сделал решающий процедурный ход в его пользу. Аналитические философы не простили мне этого. Но меня не особенно жаловали и плюралисты. Я ухитрился сесть между двумя стульями.

Вопрос: Ланг упоминает также, что вы сыграли решающую роль, будучи арбитром на съезде.

Рорти: Я не был арбитром. Я имел встречу с лидером аналитической банды, который сказал мне, «Я имею здесь решающие документы по членству, так что я хочу, чтобы вы выбросили голоса плюралистов.» В ответ я сказал, «Не командуй, что мне делать, черт тебя подери», и пошел в атаку, буквально взбесившись. Я полагаю, что аналитическое движение было слишком довлеющим и мафиозным.

Вопрос: Судя по всему, тем не менее, 1979 был тем годом, когда ваше движение в направлении прагматизма, начавшееся семью годами ранее, внезапно оказалось в центре внимания.

Рорти: Ну, нет.

Вопрос: Нет?

Рорти: Вспомните, что *Философия и зеркало природы* была опубликована только в 1979, и люди начали покупать книгу в 1980. Поначалу книга получила ужасные рецензии в философских журналах, и продавалась очень медленно. Только постепенно, в течении всех 80-х, публика начала читать ее, и постепенно она привлекла внимание. Содержание книги касалось многих людей: например, Селларса, Патнэма, Дэвидсона. Со времени *Зеркала* американская аналитическая философия прошла большой путь, не обращая никакого внимания на это содержание. Селларса и до сих пор никто не читает. Меня читает публика, не относящаяся к философии. Над Патнэмом посмеиваются как над свихнувшимся.

Вопрос: Может быть, мы немного поговорим о том, как начала расширяться ваша аудитория, и включила гуманитариев, которые вообще-то не интересуются тем, что происходит в департаментах философии.

Рорти: Я оказался влиятельным в кругах людей, не относящихся к философии. Я не знаю, почему они читают мою книгу. Я рад, что она нравится им.

Вопрос: Судя по всему, в момент, когда деконструктивистская волна настигла американские университеты, вы оказались доморощенным постфаундалистом, о котором не слыхивали и в департаментах французского языка.

Рорти: Ну, если вы хотите говорить по поводу антифаундалистского материала, мой материал вполне подходит для этого.

Вопрос: Поскольку вы стали профессором гуманитарных наук, а не профессором философии, было ли сознательным шагом ваша ассоциация с литературной теорией?

Рорти: Нет, это был скорее результат отталкивания, чем результат притяжения. То есть, я хотел работу, но не в философском департаменте, Мне все равно было, какая это работа, но я не хотел больше ходить на встречи в департаменте философии.